

Нет автора

**Чтения в Обществе истории и древностей
российских при Московском университете**

1869. Книга 1

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете: 1869. Книга 1 / Нет автора – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 641 с.

ISBN 978-5-4241-7577-0

ISBN 978-5-4241-7577-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧТЕНІИ
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ОБЩЕСТВѢ
ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1869

Генварь — Мартъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ, НА СТРАСТНОМЪ ВУЛЬВАРѢ
1869.



I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

I

RESOLUTIONS

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ВТОРОЙ ТОМЪ.

Исчисляя заслуги Кутузова, предъ назначеніемъ его въ Главнокомандующіе въ 1812 году, между прочимъ сказано (стр. 11): «Удачный походъ на Дунаѣ, и миръ, заключенный въ роковой часъ разрыва съ Наполеономъ, упрочили славу Кутузова» и т. д.

Не думаю, чтобы выраженіе: удачный походъ на Дунаѣ, было удачно. Кутузовъ, принявъ начальство послѣ Графа Каменскаго, очистилъ правый берегъ Дуная и отступилъ въ Княжества. Верховный Визирь имѣлъ безразсудство переправиться за нимъ въ Слободзеѣ и окопаться, оставивъ лагерь свой безъ достаточнаго прикрытія. Сдѣсь Кутузовъ явилъ глубокое знаніе свойствъ непріятеля и, на основаніи того, принялъ, какъ искусный вождь, мѣры, о которыхъ онъ бы и не подумалъ противъ всякаго другого Европейскаго полководца. Генералъ-Лейтенантъ (Е. И.) Марковъ переправленъ былъ нѣсколько выше чрезъ Дунай и, имѣя въ авангардѣ Генералъ-Маіора (В. Д.) Иловайскаго, внезапно атаковалъ лагерь и, овладѣвъ имъ, отрѣзалъ всякое сообщеніе Визирю съ своими средствами. Попавшись такимъ образомъ въ западню со всѣмъ своимъ войскомъ, гибнущимъ отъ голода, самъ онъ скрытно бѣжалъ на лодкѣ. ¹ Послѣдствіемъ этого

¹ Полагаютъ, что Кутузовъ зналъ о намѣреніи Верховнаго Визиря бѣжать, но отдалъ приказаніе Флотилии не препятствовать этому, въ томъ предположеніи, что безъ свободы Верховнаго Визиря онъ не могъ бы заключить мира по существовавшему тогда понятію Турокъ. Не вдаюсь въ дальнѣйшія по сему предмету разъясненія.

было заключеніе мира. Во всякомъ случаѣ слово: «удачный походъ на Дунаѣ» тутъ не идетъ; оно могло быть замѣнено другимъ, болѣе соответственнымъ событію, на примѣръ: дѣйствіе при Дунаѣ.

Описывая характеръ и свойства Кутузова, Г.-М. Богдановичъ присоединяетъ, на стр. 16-й:.... «важнѣйшія бумаги, подносимыя къ подписи Фельдмаршала, оставляемы были до завтра, и это завтра повторялось иногда нѣсколько недѣль» и т. д. Не знаю, въ какой степени это справедливо, но не можетъ быть, чтобы важнѣйшія бумаги оставались имъ не подписанными, когда онъ былъ Фельдмаршаломъ, какъ здѣсь сказано. Лично я никогда не состоялъ при немъ; но въ 1812 году, по должности, мною тогда занимаемой, бывалъ иногда и по нѣскольку разъ въ день въ Главной Квартирѣ, и не разъ получалъ на приносимыя къ нему словесныя донесенія немедленныя и ясныя разрѣшенія. Я могъ бы слышать отъ товарищей то, что приписывается Фельдмаршалу, но и того не было. Да и какъ допустить, чтобы Главнокомандующій арміею, во время ея дѣйствія (и противъ кого еще? противъ Наполеона!), оставялъ важнѣйшія бумаги по нѣскольку недѣль безъ подписи! Параграфъ продолжается одинаково о Кутузовѣ, и въ концѣ онаго ссылка на приложение къ XV главѣ № 41, но въ приложенияхъ къ этой главѣ, послѣдняя № 14 (на стр. 499); въ опечаткахъ же не отмѣчено; слѣдовательно, нѣтъ возможности знать положительно, кто это такъ соперничаетъ съ Тьеромъ въ изображеніи нашего полководца?

На слѣдующей 17-й страницѣ продолжается очеркъ Кутузова, и тутъ поражаютъ слѣдующія выраженія: «не смотря на недобѣрчивость и скрытность своего характера, Кутузовъ былъ любимъ окружающими его; недостатки и слабости его не помѣщали ему списать и сохранить общее довѣріе войскъ. Когда, на канунахъ Люценскаго сраженія, одинъ изъ Адъютантовъ Фельдмаршала привезъ свѣдѣніе объ его смерти, приказано было скрыть эту вѣсть въ глубокой тайнѣ: такимъ образомъ уже не было Кутузова, но Русская армія пошла въ бой, какъ будто руководимая его тѣнью.»

Не понимаю, что Генераль Богданович хотѣлъ сказать этѣмъ страннымъ выраженіемъ, въ особенности тогда, какъ Императоръ Александръ самъ лично находился при войскахъ. А при томъ, это можетъ быть принято за иронию; ибо къ какому подвигу руководила тѣмъ Кутузова? А вотъ къ какому: мы проиграли Люценское сраженіе и изъ окрестностей Лейпцига ушли за Эльбу; потеряли сраженія: подъ Бауцеюмъ (Будышинымъ), Герлицемъ (Згоръльцемъ) и отступили до Одера, а здѣсь заключили перемиріе. Какъ же понять сказанное здѣсь о тѣмъ Кутузова, руководившей будто бы войска въ Люценскомъ сраженіи, первомъ въ Германіи, которое мы проиграли, и съ какими послѣдствіями! Сомнѣваюсь даже, чтобы хотѣли сохранить въ тайнѣ смерть Кутузова, съ цѣлью, чтобы этѣмъ не потрясти духъ солдата. Нашъ солдатъ отъ подобныхъ впечатлѣній не приходитъ въ уныніе, а, напротивъ, ожесточается и стремится къ отщепенію. Но, независимо отъ сего, повторю: здѣсь находился самъ Государь, если можно такъ выразиться, Боготворимый, обожаемый солдатами и всѣми. Сверхъ же того, войсками подъ Люценомъ начальствовалъ Графъ Витгенштейнъ, къ которому любовь солдата, въ 1812 году, далеко превосходила ту, которую они питали къ Кутузову по самой простой причинѣ: Кутузовъ отдалъ непріятелю Москву, а Витгенштейнъ, не только что тогда, но и по нынѣ въ народѣ, почитается спасителемъ Пѣтрова града. Словомъ, выраженіе неудачное во всѣхъ отношеніяхъ.

Разсмотрѣнный мною параграфъ, какъ замѣчено выше, заключается ссылкой, которой нѣтъ.

Въ этомъ же параграфѣ, на 15-й страницѣ, приведено обстоятельство, читанное мною еще въ 1834 году у самаго сочинителя «Записокъ», на которыя ссылается Г. Богдановичъ, и вотъ какъ послѣдній представляетъ оное: «Одинъ изъ чиновниковъ Главной Квартиры его (Кутузова), Маевскій, говоритъ, что когда наши войска соединились на рѣкѣ Березинѣ, онъ осмѣлился

² Въ описываемое время Сергій Ивановичъ Маевскій былъ не просто «дьякомъ изъ чиновниковъ», а Генераль-Аудиторомъ арміи, исправляя иногда и обязан-

доложить Фельдмаршалу о пользѣ назначенія кого либо начальникомъ артиллеріи всѣхъ Русскихъ армій. «Кого же лучше, отвѣчалъ Кутузовъ, какъ не Рѣзваго: онъ (стр. 16-я) человѣкъ умный, опытный и знаетъ это дѣло лучше всѣхъ.» Едва лишь онъ успѣлъ произнести этѣ слова, какъ пріѣхалъ къ нему Графъ Аракчеевъ. «Государю Императору угодно соединить командованіе всею артиллеріею въ лицѣ одного артиллерійскаго Генерала, сказалъ онъ; выборъ его предоставленъ Вашей Свѣтлости. Его Величество полагааетъ, что всего ближе ввѣрить этотъ постъ А. П. Ермолову.»— «Спросите у него,» отвѣчалъ Кутузовъ, указывая на Маевского: «мы только что объ этомъ говорили, и я самъ хотѣлъ просить Государя Императора, чтобы назначенъ былъ Ермоловъ. Да и можно ли сдѣлать лучшей выборъ?»

Я не знаю, какъ близки были ихъ отношенія, дозволившія Генераль-Аудитору, или еще, какъ Г. Богдановичъ говоритъ, одному изъ чиновниковъ, рассуждать, или и еще лучше, дать понять Фельдмаршалу необходимость сосредоточенія командованіемъ артиллеріею! Но болѣе всего кажется мнѣ невѣроподобнымъ то, что когда пріѣхалъ къ Кутузову Аракчеевъ изъ Петербурга отъ Государя, то, во первыхъ, конечно, прежде чѣмъ Графъ вошелъ въ комнату Князя, всѣ тѣ, которые могли въ ней случиться, получили бы весьма естественное приказаніе выйти, или, не дожидаясь приказанія, сами бы сдѣлали это: современники помнятъ, что такое былъ Аракчеевъ, особенно въ 1812 году. Во вторыхъ, если

ность Правителя Канцелярій. Я съ нимъ былъ знакомъ гораздо прежде, съ 1808 года, потомъ въ 1812 году видѣлся часто. Въ 1813 году, въ Калишѣ, онъ в Скобелевъ получили полки, а Маевскій, какъ одинъ изъ храбрѣйшихъ и въ то время полковыхъ командировъ, вскорѣ получилъ Георгія и сдѣлался извѣстнымъ. Съ 1815 по 1828 годъ мы не видались, но въ Турецкую, 1828—1829 г., войну онъ былъ назначенъ Директоромъ Госпиталей. По окончаніи войны, въ чинѣ Генераль-Лейтенанта, получилъ 13 дивизію и съ 1833 по 1835 годъ находился въ Тульчинѣ, гдѣ я тогда проживалъ. Не прошло дня безъ воспомнаній былаго. Мы давали другъ другу свои Записки, и я во многомъ съ нимъ не соглашался, а онъ дѣлалъ замѣчанія на мои. Онъ владѣлъ перомъ хорошо, но часто увлекался, для приданія силы своимъ выраженіямъ. Въ то время бѣловыя Записки его были уже сданы, а кому, не сказалъ, да и не любопытствовалъ,

бы Аракчеевъ вошелъ въ кабинетъ Кутузова внезапно, то тѣмъ болѣе еще всѣ поспѣшили бы удалиться. Въ третьихъ, предположивъ, однако же, что чиновникъ рѣшился остаться и дожидать, покуда ему не будетъ приказано выйти, то рѣшительно ни въ какомъ уже случаѣ онъ не могъ оставаться, или не быть высланнымъ, когда Аракчеевъ началъ съ словъ: «Государь Императоръ» и пр. Слѣдовательно, повторяю, ни въ какомъ случаѣ чиновникъ Маевскій не могъ оставаться въ той же комнатѣ,³ когда Аракчеевъ, присланный отъ Государя къ Кутузову, началъ сообщать Главнокомандующему волю Императора. Все, что написалъ Маевскій относительно Кутузова, Рѣваго и Ермолова, онъ могъ слышать изъ смежной комнаты, Адъютантской, куда вышелъ; но чтобы Маевскій оставался присутствующимъ лицомъ въ той же комнатѣ, когда они говорили о томъ, этого, сто разъ повторяю, быть не могло и вошло въ Записки, такъ себѣ, для прикрасы.

Но какъ бы то ни было, Г. Богдановичъ неумолимъ въ приводимыхъ имъ очеркахъ о Кутузовѣ безъ всякаго разбора, такъ что расточаемая ему мѣстами хвала, часто похожая на фразы, не только помрачается, но и совершенно исчезаетъ при исчисленіи его недостатковъ, какъ Главнокомандующаго, и даже какъ человѣка. Книга эта переведена уже на Нѣмецкій языкъ: жаль и очень жаль, что иноземцы изъ устъ нашего военного историографа получаютъ ложное понятіе о лицѣ, которому, по какимъ бы то ни было причинамъ, но, однако же, была вѣрена борьба съ гигантомъ. Положимъ, что кое-что могло быть отчасти и справедливымъ,⁴ но въ классической книгѣ, описывающей столь важный для

³ Этотъ служебный этикетъ или приличіе соблюдается и нынѣ даже между Директорами Департаментовъ. Если какой либо Директоръ Департамента входитъ къ другому, то, кто бы тутъ ни случился, тотчасъ удаляется. А сдѣсь Аракчеевъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга къ Фельдмаршалу, на Березинѣ — и чиновникъ остается третьимъ лицомъ. Не могло и не можетъ быть!

⁴ Можно себѣ вообразить восторгъ Тьера! Онъ провозгласитъ сочиненіе нашего Профессора, если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ Ксенофоновымъ описаніемъ отступленія десяти тысячъ. Самъ Тьеръ въ своей Исторіи сказалъ

Россіи эпизодъ, должно было избѣгать такихъ данныхъ, которыя могли быть писаны подъ вліяніемъ различныхъ страстей и отношеній, и во всякомъ уже случаѣ имѣть мѣсто не въ текстѣ, а въ приложенияхъ, если уже признавалось необходимымъ ввести рассказъ «одного изъ чиновниковъ.»

Наконецъ, вотъ и дошли до XXII главы (стр. 174): «Сраженіе при Бородинѣ.»

Почтенный исторіографъ предпосылаетъ, какъ уже я замѣтилъ, ⁵ этой гигантской битвѣ какъ бы предисловіе, наставленіе, необходимое для описанія большихъ сраженій, гдѣ исчисляеть онъ всѣ препятствія, которыя встрѣчаетъ «принцающая на себя священную обязанность жреца истины,» и какъ бываетъ онъ поставленъ въ тягостное положеніе увѣрять въ томъ, въ чемъ не убѣжденъ самъ.» Указавъ на всѣ препятствія и затрудненія этѣ, Г. Богдановичъ заключаетъ свое вступленіе слѣдующими словами: «Все сказанное нами показываетъ, по чему именно такъ рѣдки отчетливыя описанія большихъ сраженій, и можетъ, хотя отчасти, пояснить, по чему сраженіе при Бородинѣ изложено не совсѣмъ удовлетворительно даже въ лучшихъ военноисторическихъ сочиненіяхъ.»

Послѣ такого объясненія причинъ, до сихъ поръ не замѣченныхъ военными историками при описаніи большихъ сраженій, и въ особенности Бородинскаго, не совсѣмъ удовлетворительно изложеннаго въ лучшихъ военноисторическихъ сочиненіяхъ, мы вправѣ были ожидать, что почтенный исторіографъ нашъ, проникнувъ въ причины такихъ препятствій и, указавъ на нихъ, создастъ что либо образцовое, или, по крайней мѣрѣ, обѣи-

несравненно менѣе; онъ не столько отнимаетъ у Кутузова достоинствъ, сколько забавляется рассказомъ, что онъ былъ старъ, тяжелъ, крикъ, любилъ хорошо поѣсть, страстенъ къ женскому полу и т. п.

⁵ При замѣчаніяхъ на общее предисловіе (т. I) сочиненія, это предисловіе разсмотрѣно подробно; здѣсь нахожу необходимымъ вкратцѣ еще упомянуть о содержаніи этого предисловія къ Бородинскому сраженію.